

Многообразие психологии религии (введение)

А. М. Двойнин, А. Л. Журавлев, А. В. Юревич

Когда наука, в данном случае психология, обращается к такой теме, как религия, складывается ситуация, выглядящая в некотором роде если не парадоксальной, то, по меньшей мере, не нормативной. «Кесарю — кесарево, а Богу — Богово» — принцип, которым наука традиционно руководствовалась в отношении религии, не вмешиваясь в религиозные дела. В свою очередь и религия, несмотря на медленную ассимиляцию ею достижений науки, в целом развивалась в своей собственной «епархии».

Тем не менее между наукой и религией есть немало общего. Вера в Бога имеет очевидные аналогии с верой в науку — в аксиомы, постулаты и другие истины (а истины ли они?), которые лежат в основе научного знания. Есть и другие свидетельства их сходства в ряде контекстов. Наука и религия, вопреки утверждениям советских идеологов — создателей доктрины «научного атеизма», не отделены друг от друга непреодолимой гранью, а имеют пересечения.

Известно, что отцы-основатели науки Нового времени — Ньютон, Кеплер, Галилей, Лейбниц и др. — верили в Бога и даже посвящали ему свои научные открытия. Однако тогда же формировалась традиция, соблюдаемая учеными по сей день — *выносить идею Бога за пределы научных произведений, оставляя ее в области глубоко личного*. Для этого есть естественное основание: смешение научного и религиозного «жанров» означает, что вместо поиска научных аргументов можно

сказать, что все исходит от Бога, и, таким образом, необходимость в аргументации отпадает. Т.е. религиозный взгляд на мир не подменяет его научное изучение, и вышеупомянутые создатели науки это прекрасно понимали. Исследование Ф.А. Кёрлин и др. (Curlin et al., 2005) показало, что большинство американских врачей обладают внутренней религиозностью: 76% сообщили о своей вере в Бога, 59% заявили о вере в загробную жизнь, 48% ответили, что прибегают к религиозному копингу, а 55% сочли, что вера влияет на их медицинскую практику. Однако идею Бога в самой медицинской практике они не используют.

Вера в Бога значительного количества ученых не мешает им развивать психологию религии как чисто научную область, в которой религиозная жизнь человека и общества выступает в качестве объекта изучения.

Возможность отделять собственные мировоззренческие установки и убеждения от научных изысканий в области психологии продемонстрировал еще в начале XX века У. Джеймс — автор широко известной работы «Многообразие религиозного опыта» (James, 1902), положившей начало систематическим психологическим исследованиям религии. Затем Т. Флурнуа в качестве эпистемологического принципа сформулировал требование для психологии при изучении религиозных феноменов не выносить суждений об их истинности или ложности (Flournoy, 1903). Этот «принцип исключения трансцендентности» (там же) позднее был развит А. Верготом в его императиве методологического нейтралитета: психологам следует воздерживаться от суждений, которые имеют отношение к области теологии и не использовать в своих объяснительных конструкциях понятие сверхъестественного (Vergote, 1983).

В настоящее время зарубежными психологами религии такая позиция осознается как необходимая и сама собой разумеющаяся (См., напр.: Современная западная психология религии, 2017; Belzen, 2010; Hood, Hill, Spilka, 2009; Jong, 2023; Saroglou, 2021; Wulff, 1997). В российской психологической науке последние годы также подчеркивается значимость мировоззренчески нейтральной позиции при исследовании религиозных феноменов (Двойнин, 2019а; Орёл, 2015; Чумаков, 2017). Как справедливо отмечает М.В. Чумаков, развитие психологии религии на основе методологического нейтралитета не только очерчивает границы данной области, но и создает необходимые условия для ее интеграции в систему психологического знания (Чумаков, 2025).

Вместе с тем в современных реалиях бытия отечественной психологической науки психологии религии приходится *доказывать* свою научность и академический статус, подчеркивая свой методологический нейтралитет и конфессиональную неангажированность. Академическое психологическое сообщество в России все еще достаточно настороженно относится к попыткам изучения религиозного опыта психологами. Притом что в подобном доказывании нет необходимости, когда психологические исследования религии воспринимаются сообществом религиоведов, — для данных ученых мировоззренческая нейтральность сродни аксиоме.

Такое положение дел во многом связано с особенностями исторического развития психологии религии в нашей стране. В СССР психология религии не была в почете. В работах советских психологов «сложно встретить даже упоминание религии в контексте обсуждения психологических вопросов, не говоря уже о сколько-нибудь серьезной проработке специальных проблем психологии религии» (Двойнин, 2024б, с. 309). «В немногих советских научных журналах по психологии, например “Вопросы психологии ...”, “Психологический журнал ...”, “Вестник МГУ ...”, также практически отсутствуют публикации по религиозной проблематике» (Психология религии в России ..., 2019, с. 268). В некотором смысле подобная ситуация была естественной — в СССР официально было признано отношение к религии как к вредному пережитку прежних времен, а от науки о религии требовалось «не столько исследовательской составляющей, сколько агитационной и пропагандистской устремленности на борьбу с религией» (там же, с. 334). Психология религии в тот исторический период развивалась главным образом теми, кого мы бы сегодня назвали религиоведами, а тогда — «историками и теоретиками атеизма и религии». Профессиональных психологов, обращавшихся в контексте научного интереса к теме религии, было в буквальном смысле несколько человек, а единственным из них, кто писал о религии систематически, являясь, пожалуй, К. К. Платонов (Психология религии в России ..., 2019).

Описанное отношение к религии неизбежно отразилось на судьбе психологии религии после краха СССР: подобно некоторым другим чрезмерно идеологизированным научным направлениям она практически в одночасье исчезла. «Советская психология религии, в значительно большей степени аффилированная с религиоведением, чем с психологией, не стала исключением — лишенная идеологического

фундамента и социального запроса, не имевшая дисциплинарного статуса, достаточно зрелых в методологическом отношении исследовательских программ, сплоченного академического сообщества и опоры на психологические институты, она не смогла сформулировать свои исторические задачи и что-либо предложить изменившемуся российскому обществу и ушла в небытие» (Психология религии в России ..., 2019, с. 343-344).

В 1990-е и 2000-е годы наш российский «маятник» отношения к религии качнулся в обратную сторону. Общество пережило настоящий «религиозный ажиотаж» (там же, с. 344). На фоне этого на просторах постсоветской психологической науки возникла *христианская психология* как попытка интеграции христианских (православных) антропологических воззрений и академического психологического знания¹. Проявившееся внимание к религии в академических психологических кругах в это время было связано во многом с *личным* интересом психологов к религии, их духовными исканиями и т.п. Психологи стремились не столько изучать религию как объект, сколько установить коммуникацию с ней, соотнести свой научный взгляд на человека с религиозными представлениями. Иногда при этом поле этой деятельности маркировалось как «психология религии»: например, можно вспомнить известную книгу Ю.М. Зенько «Психология религии» (Зенько, 2009) и др. работы, в которых в качестве психологии религии, по сути, выступает христиански ориентированная психология.

Помимо этого, отечественный книжный рынок наводнился и продолжает пополняться различными публикациями по теме «психология и религия», которые носят клерикальный характер и мало отношения имеют к академической психологии, а также нередко представляют собой смешение религиозных, «духовно ориентированных», эзотерических, оккультных и т.п. учений и практик с околону научными психологическими представлениями.

На фоне этого, голоса пока весьма немногочисленного сообщества психологов-исследователей религии иногда слабо различимы. Научные издания по психологии религии, очень редкие ранее, остаются, по-прежнему, в дефиците. Можно согласиться с анализом положения дел в этой области, данным авторами книги «Психология религии в России XIX — начала XXI века»: «С институциональной ... точки зрения психология религии за прошедшие годы так и не оформилась»

1 Подробнее об этом см.: Христианская психология ..., 2017.

(Психология религии в России ..., 2019, с. 382), «психология религии до сих пор остается в тени, с одной стороны, институционализированной христианской психологии, а с другой стороны — ряда религиозно-дисциплинарных дисциплин (истории религии, социологии религии и др.). Несмотря на общую положительную тенденцию развития психологии религии в России, обнаруживается социальная невостребованность данной междисциплинарной области знаний» (там же, с. 383-384).

Поэтому неудивительно то, что представители академической психологии, далекие от изучения религиозных вопросов, а также широкая публика, иногда ошибочно воспринимают психологов религии как конфессионально ангажированных акторов или, наоборот, как воинственных атеистов, стремящихся к борьбе с религиозным «дурманом».

Между тем в студенческой среде психологических и религиозно-научных институций, у академических психологов и религиоведов интерес к психологии религии явно выражен — это видно, прежде всего, по тематике публикаций, курсовых и дипломных работ. Можно сказать, что психология религии стала заметной на ландшафте российской психологической науки. Некоторое время назад насчитывалось 12 исследовательских направлений в отечественной психологии религии (Психология религии в России ..., 2019), а сама она демонстрировала «очевидный, хотя и достаточно умеренный рост» (там же, с. 383).

К тому же, религия как объект исследования психологов, вопреки негативным прогнозам прежних лет, нигде не исчезла с развитием науки и технологий, а в чем-то даже укрепила свои позиции в глобальном обществе, в культуре. В философии и религиоведении констатируется несостоятельность идеи о неизбежной секуляризации и отмирании религии, утверждается переход общества в постсекулярную эпоху, где религия сохраняет свою ценность (Капуто, 2011; Узланер, 2020).

Религия является значимым психологическим фактором, влияющим на личность, социальные группы и их взаимоотношения, несомненно, требующим объективного и всестороннего изучения. А потому мы уверены, что психология религии как академическая область научных исследований будет развиваться дальше, и настоящая книга призвана этому способствовать.

Обычно работы подобной тематики в нашем отечестве издаются на базе религиозно-научных, философских институций, коммерческих издательств и др. Эта же книга в некотором смысле уникальна, поскольку является, возможно, первым (а если и нет, то в любом слу-

чае — редким!) изданием по психологии религии в постсоветский период, выпускаемым *психологическим* академическим институтом. Очевидно, что отечественной психологической науке давно пора обратиться к систематическому изучению религиозной сферы на базе академической методологии: психология религии имеет большой потенциал развития и способна пролить свет на важные психологические и поведенческие закономерности.

Уникальность этой книги заключается еще и в том, что в ней собраны тексты круга авторов, фактически репрезентирующих данную область знания в современной России — психологов, философов, религиоведов: тех, кто занимается психологическими исследованиями религии давно и планомерно, а также тех, кто работает в этой области сравнительно недолго или несистематически.

По структуре книга состоит из трех разделов, каждый из которых охватывает достаточно широкий диапазон тем авторских публикаций. Первый раздел **«История и методологические проблемы психологии религии»** состоит из работ общеметодологической направленности, затрагивающих эпистемологические принципы психологии религии, вопросы ее интеграции, возможности разработки отдельных концептуальных подходов и др. Отдельный блок статей этого раздела посвящен истории отечественной психологии религии, преимущественно советского периода. Второй раздел **«Психологические механизмы религиозности»** объединяет тексты, касающиеся психологических объяснений феноменов религиозности и духовности с позиций разных концептуальных подходов и теоретических моделей. В третьем разделе **«Влияние религии на личность и межличностные отношения»** собраны работы самой различной направленности: от анализа виртуальной религиозной идентичности и происхождения «духовных голосов» — до выявления связи моральных суждений с религиозностью и обсуждения проблем психологического исследования ислама.

Представленные в настоящем издании статьи весьма разнообразны в жанровом, концептуальном и стилистическом отношении. Это особенность вполне закономерна, поскольку отражает реальную картину современной российской психологии религии, в которой представлены философско-психологические, историко-психологические, методологические и эмпирические изыскания; используются количественные и качественные виды исследовательской методологии; сосуществуют гуманитарная и естественнонаучная парадигмы; развиваются психоа-

налитический, экзистенциальный, культурно-исторический, эволюционный и др. подходы. Также изучение религиозных проявлений психики и религиозно обусловленного поведения иногда предполагает заход на «территорию» смежных дисциплин — философии религии, социологии религии, феноменологии религии и др.

Перефразируя название классической работы У. Джеймса (James, 1902), можно сказать, что книга, которую читатель держит в руках, отражает *многообразие психологии религии*, какое сложилось к концу первой четверти XXI века.

Все вышесказанное означает, что читатель этой книги не получит ответы на вопросы о том, есть ли Бог, верен ли религиозный взгляд на мир, и не найдет решений других мировоззренческих проблем, но сможет погрузиться в психологию верующих людей, а также в богатое идеями и открытиями пространство научных исследований в области психологии религии.